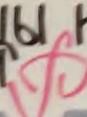

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ ОДНЫ

СЕРГЕЙ ГОЛНЦЫН

ПРО БЕЛ-ГОРЮЧ
КАМЕНЬ

Издательство «Малыш» 1989

ЗАПАД

город Владимир

СЕВЕР

ГОРОД БОГОМУДРОВ

РЕКА НЕРА

ВОСТОК

РЕКА КЛЯЗЬМА

ц. Покрова на Нерли

ЮГ

Владимирские земли XI в.

СЕРГЕЙ ГОЛИЦЫН

ПРО
БЕЛ-ГОРЮЧ
КАМЕНЬ

Художник И. Перцов

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва
1989

1.
Давным-давно, восемьсот с лишним лет тому назад, в одном селе на берегу Клязьмы-реки, ниже города Владимира, жил мальчик. Жил он в маленькой, в одну каморку, в одно окошечко, избушке вместе с дедом и бабкой, с отцом и матерью, с братьями и сёстрами.

Таких бревенчатых избушек, низких, вросших в землю, с соломенными крышами, стояло здесь всего десять. Окошки у них были маленькие, только что руку просунуть, и затыкались они на ночь тряпицами, а зимой в окошки вставляли льдинки.

Однажды нашёл тот мальчик на самом берегу Клязьмы-реки

ножик. Железное лезвие его всё заржавело, а ручка почернела — значит, была серебряной. А тогда не только всё серебряное, но и всё железное было редкостью и очень ценилось.

Жители осматривали находку, удивлялись. А дед сказал, что, верно, проплывали по Клязьме-реке купцы из дальних стран, везли товары самому повелителю земли Владимирской, князю Андрею Юрьевичу, заночевали тут на берегу, и кто-то из них обронил ножик.

Три дня точил мальчик лезвие о камень, а ручку чистил песком. Заблестел ножик, словно рыба чешуя, а на его серебряной ручке проступил тонкий-претонкий рисунок: два невиданных свирепых зверя с густыми гривами, с длинными хвостами-завитками крались друг к другу. Дед сказал, что это львы; они водятся за семью реками, за семью морями.

С того дня начал мальчик из осиновых и липовых поленьев вырезать всем соседским ребятишкам игрушки. Сперва плохо у него получалось, не умел он крепко держать в руке ножик, нечаянно откалывал лишние щепки; приходилось полено выкидывать, браться за другое.

А ребятишки приставали. Просили вырезать — кто зайчика, кто собачку. И светловолосая кудрявая девочка попросила сделать ей маленькую куколку.

Долгими зимними вечерами мастерил мальчик при свете лучины. Щепки и стружки во все стороны так и летели. Всех ребят оделил он игрушками.

На другое лето задумали дед и отец мальчика новую избу ставить, да попросторнее. И срубили они её в два окошка.

А мальчик решил избу украсить. Вытесал он доску, углём срисовал на неё со своего ножика львов и стал вырезать. Львы у него получились добрые, с улыбками. И дед приладил ту доску под крышей. Пусть львы стерегут новое жилище.

Мальчик с детства видел тонкие вышивки на одеждах матери и сестёр и их подруг. Узоры этих вышивок напоминали лесные и полевые цветы и травы. Мальчик вытесал ещё шесть досок, но покороче, и вырезал на них тоже цветы, обвитые стеблями и листьями. Прикрепил он доски сверху, справа и слева от каждого окошка. Мальчик разыскал на берегу Клязьмы-реки цветные камушки. Дед растолок их и смешал цветные порошки с яичным желтком. Мальчик покрасил доски разными красками. Красиво получилось.

И когда соседи ставили новые избы, просили они мальчика украшать их резными досками, да непременно со львами, чтобы и их жилища львы стерегли.

Встало село на высоком берегу — загляденье. А вид на другой бе-

рег был широкий и далёкий, до самых лесных просторов, что в голубом тумане пропадали.

Мальчик подрос, юношей стал. Летом пахал он с отцом, сено косил, рыбу ловил, а зимой всё мастерил своим ножиком игрушки. И ещё украшал он прялки, на какие красные девицы надевают

пряжу, когда нитки прядут. Сперва украсил прялки обеим своим сёстрам, потом принялся за работу для их подруг. А самыми затейливыми узорами украсил он прялку той светловолосой кудрявой сестриной подруги, которая рядом с ним на лавке сидела, пока он ножиком водил. Когда солнышко клонилось к закату, кудри девицы казались ему золотыми.

Однажды весенним вечером показались на Клязьме-реке десять ладей. Сидели в них воины и гребцы. А на самой длинной, изукрашенной ладье, под льняным пологом возлежал кто-то, закутанный в голубой плащ, в высокой малиновой шапке, отороченной мехом.

Лады повернули к берегу. Все жители побежали их встречать. — Да батюшки-светы! — вскричал дед. — Сам князь Андрей Юрьевич к нам жалует!

Лады приставали, воины и гребцы выскакивали, шатры начали ставить, видно, собирались тут ночевать. Выходили на берег важные бояре, последним ступил князь Андрей.

Поклонились ему жители. Он едва им кивнул и пошёл в гору. Бояре, крихтя, поднялись за ним — больно высоко было лезть. Побежали ребятишки, поднялись и старики.

Встал князь Андрей на горе, скрестив руки. И увидел он на другом берегу реки дали неоглядные, повернулся, посмотрел на избышки с резьбой разноцветной, что выстроились в ряд среди цветущей белым цветом черёмухи. Соловьи пели, разливались трелями. Вдохнул князь Андрей полной грудью прохладный черёмуховый воздух и спросил деда:

— Как зовётся ваше село?

— Никак не зовётся, — ответил дед.

— Эх вы! Место выбрали привольное, избы поставили нарядные. Любо мне здесь! Так пусть ваше село отныне зовётся Любец.

И ещё спросил он:

— А где вы сыскали того мастера искусного, кто ваши избы украшал?

Не сразу он поверил, что юноша русский, лохматый, кого вытолкали вперёд, и был тем мастером.

— Хоть и молод ты, а мне такие надобны, — сказал князь Андрей и повелел направить к нему юношу.

Снарядила мать сына в дорогу, гостинцев дала, поплакала. А юноша радовался — будет самому князю Андрею Юрьевичу своё мастерство показывать. Чудесный ножик он с собой взял, спрятал в голенище сапога. С отцом, с матерью, с братьями, с сёстрами и с бабкой распротился, златокудрой девице в пояс поклонился.

И повёз дед внука на малом челноке вверх по Клязьме-реке. Плыли они день, и другой, и третий. И вдруг, за поворотом реки, предстал перед ними сверкающий на солнце белокаменный город.

— Да батюшки-светы! — поразился дед. — Никогда такой красоты не видывал! Превзошёл князь Андрей и деда своего — Владимира Мономаха, и отца — Юрия Долгорукого!

И рассказал дед юноше, что, когда он ещё мальчишкой был, основал князь Владимир Мономах деревянный, неприступный город на Клязьме-реке и назвал его в свою честь Владимиром.

Прошло сорок лет, и сын его, князь Юрий Долгорукий, одиннадцать городов-крепостей поставил, окружил их рвами глубокими, валами высокими, дубовыми стенами с башнями и воротами. И малые каменные храмы он поставил. Каждый такой храм был для врагов тоже неприступен, как крепость.

А князь Андрей, слышал дед, две крепости начал ставить. Одну — во Владимире, с дубовыми стенами на семь вёрст, с двумя воротами белокаменными. А другую крепость — в Боголюбове.

Вот она — перед нами!

Ближе и ближе подплывали дед с внуком. И видели они, как строились из белого камня стены с башнями, с воротами. А из-за стен показывался недостроенный храм, а за ним дворец, и тоже из белого камня.

Пристали дед с внуком к берегу, привязали челнок, поднялись в гору.

Там, над Клязьмой-рекой, на низких скамьях сидели камнесечцы. Каждый из них в левой руке держал долото, в правой — молоток и откалывал от камня лишние куски.

— Тюк-тюк-тюк! Тук-тук-тук! — перезванивались камнесечцы.

Приходилось бережно отбивать куски от камней, чтобы выходили они под один размер и были гладкие со всех сторон.

А самые искусные камнесечцы сперва на обтёсанных камнях рисовали углём, а потом, согласно чёрным линиям, вытёсывали узоры.

— Тюк-тюк-тюк! Тук-тук-тук!

Распростился дед с внуком и поплыл домой, вниз по Клязьме-реке.

А юноше дали широкое долото и молоток. И стал он с того дня вместе с другими обтёсывать камни.

— Тюк-тюк-тюк! Тук-тук-тук!..

Тяжко было ломать белый камень в каменоломнях на далёкой Москве-реке. А ещё тяжелее было долотить камни. Тюкали камнесечцы с утра до вечера. Белая пыль облаком висела над ними. И пели они песню печальную про Бел-горюч камень, дышали каменной пылью и кашляли. Покашляет камнесечец год-другой, кровью начинает сплёвывать и умирает. А на смену привозили других людей...

За всеми работами наблюдал Главный Хитрец. Так называли самых умелых, искусных мастеров.

Князь Андрей пожелал возвести храм и дворец внутри крепости, разукрасить ворота и башни узорами невиданной красоты. Он передал Главному Хитрецу четыре рукописные драгоценные книги из Греции, Болгарии, Грузии и Армении. Там на иных страницах были цветные картинки с человечками, с заморскими зверями, птицами и цветами, с завитками стеблей. Главный Хитрец показывал картинки камнесечцам, а они переносили углем на камень рисунок и отбивали долотом изображения по чёрным линиям.

Князь Андрей сам выбирал место, где будет стоять его дворец, где храм, сам указывал, как башни с винтовыми лестницами внутри них соединятся с храмом, как крепостные белые стены окружают холм.

Ряд за рядом поднимали строители камни, скрепляли, склеивали их известью. А известь та три года в ямах выдерживалась, подмешивали к ней молоко, творог, сырые яйца. Схватывала она камни крепче крепкого.

Однажды князь Андрей приехал в Боголюбов-город и пошёл вместе с Главным Хитрецом осматривать работы. И показалось ему, что один камнесечец плохо вытесал львов.

Закричал он грозным голосом:

— То не львы, а котичи жирные! Бить негодного камнесечеца батогами, в темницу посадить!

И вспомнил тут князь Андрей о том юноше, кто в своём селе деревянными львами избы украшал.

А юноша уже больше года жил в Боголюбове-городе. Главный Хитрец поставил его вытёсывать узоры, но простые — из листьев и стеблей. С утра до вечера долбил юноша камни, всё пел песню про Бел-горюч камень, дышал белой пылью, и кашель теснил ему грудь.

Мать, случалось, навещала его, привозила гостинцы, передавала поклон от той златокудрой красной девицы, какая его дожидается.

лась. Надеялся он, отпустят его домой, когда кончат строить, а когда кончат — не знал. Привели юношу к князю Андрею.

— Можешь ты вытесать львов, да не из осины, а из камня? — спросил его князь Андрей.

Юноша дрожал, от страха слова не мог вымолвить.

Побагровел от гнева князь Андрей:

— Выполняй моё повеление! — вскричал он, сел на коня и ускакал.

С того дня дали юноше долото поуже. Достал он свой заветный ножик, какой прятал в голенище сапога, и с его серебряной ручки срисовал на камень обоих львов.

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! — звенело его долото.

И пел он песню про село Любец, про отца с матерью, про золотокудрую девицу, про Бел-горюч камень. Но приходилось ему порой прерывать песню — кашель мешал.

— Да ты, я вижу, мастер, — сказал ему Главный Хитрец, когда

увидел его белокаменных львов. — А теперь царя Давида вытесывай! — Он развернул самую толстую книгу и показал цветную картинку.

В древней сказке сказывалось: был Давид и царём, и дивные песни слагал, и пел сладко. Звери и птицы не боялись его и приходили слушать, как он поёт.

Глядя на картинку, нарисовал юноша на камне царя Давида с гуслями в левой руке, а правой рукой будто он только что ударил по струнам и поднял её, прислушиваясь к звону. По сторонам его стояли два голубя и два льва. Львы не крались, как на ручке ножика, а стояли, повернув вперёд головы с оскаленными пастьями.

Начал юноша сбивать фон, а сам рисунок не трогал: так изображения получались выпуклыми. Работал осторожно: один неверный удар, кусочек камня отколется, и всё пропало — принимайся за другой камень.

Потом юноша вытёсывал львов стоящих и львов лежащих, разных маленьких зверьков и птичек. И поручил ему Главный Хитрец вытесать три девичьи головы, каждую голову на отдельном камне.

Вспомнил юноша обеих своих сестёр, златокудрую их подругу. И вытесал он головы, смотрящие вперёд, с косами, заплетёнными на две стороны. Получились лица, как живые: одна сестра улыбалась, другая строго поджимала губы, а их подруге будто взгрустнулось...

Ударяя молотком по долоту, думал он: что-то делают девицы милые — песни ли поют на берегу Клязьмы-реки, жнут ли серпами рожь, ткут ли полотна? И пел он потихоньку про Бел-горюч камень, а злой кашель прерывал его пение.

4.

Однажды князь Андрей долго осматривал его работы, а потом сказал:

— Мастер ты девичьи головы вытёсывать!

Поразился Главный Хитрец — никогда никого не хвалил князь Андрей Юрьевич...

Строились крепостные стены, и дворец, и храм, и башни. Выше, выше поднимались здания. На стенах дворца и храма строители ставили те изображения, какие вытёсывал юноша и другие искусные камнесечцы.

Тут примчалась недобрая весть: из дальнего плавания на Волгу вернулись полки князя Андрея со славной победой, три города взяли. Но тяжко был ранен меткой стрелой в грудь сын князя Изяслав и на обратном пути скончался.

И тогда повелел князь Андрей построить в память сына церковь, да не в самом Боголюбове-городе, а у пристани, где в Клязьму-реку впадает река Нерль. Но кто же будет за старшего на новом месте?

Князь Андрей приказал привести юношу. Пришёл юноша совсем хворый, бледный и кашлял.

— Будешь там Хитрецом,— показал князь Андрей на липовую рощицу близ устья Нерли.— Сроку тебе даю один год. И чтобы церковь была такой красоты, какой никогда на Руси не бывало!

Встрепенулось сердце юноши. Достал он свой заветный ножик, взял липовое полено и начал вырезать маленькую, вроде игрушки, церковку. Резал юноша и думал: как создать церковь белокаменную такой красы, чтобы она была словно берёзка стройная, словно чайка, готовая взлететь. Наконец решился он показать своё изделие Главному Хитрецу.

Тот долго смотрел, руками ощупывал, потом сказал:
— Превзошёл ты меня. Такую и строй.

Насыпали земляной холм посреди зелёного луга на низком мысу между Клязьмой-рекой и Нерлью, начали на холме возводить стены церкви. Юноша Хитрец держал в руках деревянную церковку, ходил

вокруг и следил за работами. Теперь другие ударяли молотком по долоту и пели песню про Бел-горюч камень.

Но тяжкая болезнь не оставляла юношу. С каждым днём всё слабел он, кровью начал кашлять, голова его кружилась.

Между тем строители обнесли стены лесами из сосновых жердей. Каждый камень они обвязывали верёвкой, закидывали верёвку через

деревянный кругляш-блок и тянули её. Поднимали камни на свои места, приклевали их известью один к другому. Вырастали стены гладкие-гладкие, ровные-ровные. Строители вставляли в них ряды узких колонок и соединяли их сверху арочками: колонки свисали, как шнуры. Каждый каменный шнур кончался малой львиной головой, либо заморским зверьком, либо птицей, а иные кончались головой девичьей. Юноша приказывал выводить колонки кверху чуть поуже. Так здание будет казаться выше, стройнее.

Строители оставляли места для окон, узких, как щели, по три окна на каждой стене. На трёх стенах по бокам каждого окна вставляли они камни со львами! Хвосты у львов были продеты через задние лапы и кончались цветками в три лепестка.

Совсем ослабел юноша, а всё же, как начали камнесечцы вытёсывать девичьи головы, не утерпел, сам взялся за долото. Хотелось ему, чтобы две крайние походили на его сестёр, а средняя — на их златокудрую подругу.

И вставили строители камни с девичьими головами над окнами, по три головы на трёх стенах.

Выше, также на трёх стенах, они вставили камни с изображением царя Давида. Царь играл на гуслях, львы и голуби слушали его пение.

Начали камешки возводить крышу, поднимать над крышей купол, покрывать его медными золочёными листами.

А юноша едва ходил. Приносили его на носилках. Он лежал недалеко и слабым голосом указывал, как строить.

Сбросили со стен церкви жерди лесов. И предстала она в своей белоснежной красе, точно царевна из сказки. И запылал на солнце её золотой купол.

Было это в 1165 году.

Приплыли на челноках и ладьях многие и многие жители, ближние и дальние. Приплыли на малом челноке отец и дед юноши.

Князь Андрей прискакал со своими боярами. Долго ходил он вокруг белых стен, порой останавливался.

— Где тот молодой Хитрец? — вскричал он.

Подвели к нему юношу под руки.

— Хочу наградить тебя щедро, дам тебе всё, что ни попросишь, — сказал ему князь Андрей.

— Ничего мне не надо, — едва отвечал юноша. — Только отпусти меня в Любец, там воздух черёмуховый, там я выздоровлю.

Нахмурился князь Андрей.

— Желал я, чтобы ты мне ещё многое строил, — сказал он. — Но раз обещал — отпускаю тебя.

Повели юношу его дед и его отец к челноку, привязанному в кустах на берегу Нерли. Торопились они, опасались, что передумает князь Андрей.

Плыли они вниз по Клязьме-реке и день и ночь. И с каждым часом всё легче было юноше дышать.

А на берегах цвела черёмуха, и соловьи разливались в белых кустах.

Ещё издали на Клязьме-реке заметили любецкие ребятишки их челнок. Все жители села заторопились встречать. Юноша вышел на берег, обнял мать, бабушку, братьев, сестёр, златокудрой любимой девице в пояс поклонился. А через месяц была их свадьба.

* * *

Прошло девять лет. В устье Нерли всё приставали ладьи. Купцы из разных стран доставляли товары, послы от многих царей привозили князю Андрею Юрьевичу богатые подарки.

Выходили плователи на берег и с первых шагов поражались красоте белой церкви. А невдалеке на холме видели они белокаменный сверкающий город.

Князь Андрей лелеял мечту стать самым могущественным князем на Руси, мечтал подчинить своей власти самые крупные и богатые русские города — Киев, Новгород. Оттого-то и повелел он во славу себе построить столько прекрасных зданий из белого камня.

Но мечтам князя не суждено было сбыться. Разгневался он однажды на ближнего боярина, запер его в темницу и хотел казнить. Тогда другие бояре испугались, что и им грозит такая же участь. Они составили заговор, ночью прокрались во дворец и убили своего повелителя.

С той поры запустел Боголюбов-город. Последующие владимирские князья не пожелали жить в обгащённом кровью месте.

Проходили годы и годы, проходили столетия. От времени разрушился дворец, обвалился храм, белые стены крепости упали. Весенним половодьем Клязьма-река промыла другое русло и навсегда ушла из-под Боголюбовского холма. Осталось озерко, заросшее тинной. От старинной крепости уцелела только одна из башен.

О том, что в Боголюбове-городе стоял белокаменный кремль, известно из летописей. Там написано, что князь Андрей Юрьевич создал «град камен». Но раньше историки думали, что летописцы, желая прославить его деяния, преувеличивали их в своих описаниях.

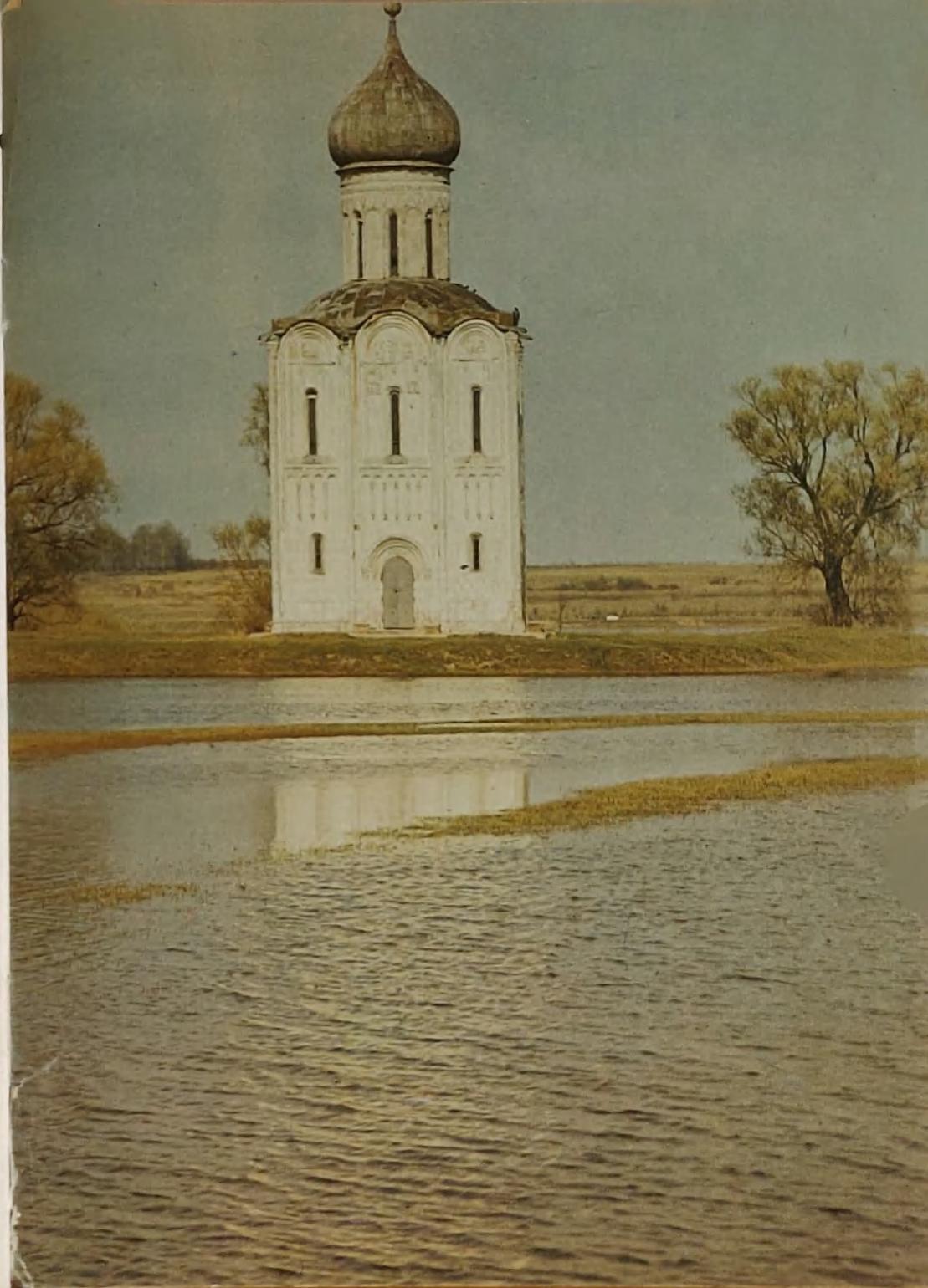
А недавно проводились в нынешнем селе Боголюбове раскопки. Археологи раскопали ушедший в землю низ древнего собора, нашли в земле отдельные белые резные камни — обломки узких колонок, обломок девичьей головы, каменную голову собаки, каменную голову петуха, когда-то украшавшие стены собора. На склоне холма обнаружили в земле фундамент от крепостных стен и три ряда камней. А следов дворца не нашли.

По этим находкам да по сохранившейся башне археологи составили чертёж того белокаменного великолепия, которое было построено по воле князя Андрея.

А церковь — златокудрая царевна, что создал безымянный юноша Хитрец, всё стояла на мысу между Клязьмой-рекой и Нерлью. Купцы и послы проплывали мимо неё во Владимир не останавливаясь. Редко заглядывали сюда люди. Вот она и уцелела.

А древнее село Любец всё стоит на высоком берегу Клязьмы-реки. Известно оно своими разукрашенными резьбой домами. И живут в этих домах, быть может, потомки Хитреца, сотворившего белокаменное чудо на берегу реки Нерль.

И сейчас там весной белым цветом цветёт душистая черёмуха, и поют соловьи в её чаще на вечерних и утренних зорях.

30 коп.

Для младшего школьного возраста
Голицын Сергей Михайлович

ПРО БЕЛ-ГОРЮЧ КАМЕНЬ

Художник В. Перцов

Фотография Г. Шлионского

Редактор **Е. Рыжова**. Художественный редактор **Д. Пчёлкина**.
Технический редактор **Ю. Асеева**. Корректор **Н. Шадрина**.

ИБ № 2527

Сдано в набор 26.04.88. Подписано в печать 27.01.89. 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1.
Гарнитура литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 14,5. Уч.-изд. л. 2,88.
Тираж 150 000 экз. Изд. № 1724. Заказ 2183. Цена 30 коп. Издательство «Малыш»,
121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополи-
графпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

4803010201—037
Г—М102 (03)—89—39—89